

человечность образа, звериный облик, которым его наделяло средневековое воображение.

Д. Оболенский (Великобритания) охарактеризовал образ славян у византийцев. Понятие «славянского образа» в Византии — весьма емкое понятие. Оно вырисовывается в сравнении как с собственным образом самих византийцев, так и с образом Византии у славян. Вся эта образная система не оставалась неизменной, но претерпевала определенную эволюцию: так, если у славян на первом этапе несомненно престижное положение, занимаемое Константинополем, служившим «моделью» для Киева и Преславля, то затем происходит снижение образа византийской столицы; с падением Константинополя растут националистические тенденции в идеологии славянской публицистики; наконец, все отчетливее ощущаются антивизантийские тенденции.

Комплекс представлений о «других» в Византии XI в. явился предметом рассмотрения Э. Патлажан (Франция). Исходным пунктом социального деления ей представляется правоверие — веры, взглядов. «Маргинальными» слоями в религиозной сфере становились неортодоксы, в области социальной — бедняки, профессионально отчужденные элементы (проститутки и т. п.). Впрочем, — это положение дополнил и И. Шевченко — византийское общество XI в. не достигло еще значительной степени дезинтеграции.

А. Шбул (Австралия) в докладе «Образ Византии в арабских исторических и других литературных источниках» указал на диалектическую связь между самообразом народа и образом «других»: иноплеменные народы часто описываются в категориях привычного мира. Так, Константинополь и Рим в арабской литературе представляли в облике Вавилона.

Э. Стэнеску (Румыния) рассмотрел проблему образа «других» в Византии на примере сложившихся там представлений о власских пастушеских племенах. Анализируя тему «ромей» и «варвары» на Балканах VII в., С. Брезяну (Румыния) привлек материалы «Чудес св. Димитрия».

М. В. Бибилов, выступив в дискуссии, показал существование различных уровней взаимопонимания и отражения образа Византии у славян и образа славян в византийских текстах; «образ других» при всей стереотипности подвергался в Византии с течением времени трансформации.

Особой темой обсуждения Международной ассоциации был вопрос о значении византийских штудий в комплексе исторических исследований в целом. Председатель заседания И. Ирмшер (ГДР) в докладе «Место византистики в системе исторических наук» осветил основные этапы развития византиноведения с XIX в. до наших дней. Докладчик подчеркнул междисциплинарный характер этой отрасли знания, ее значимость для медиевистики, тюркологии, славяноведения, истории античного мира.

Другие докладчики выделяли те или иные стороны византиноведческой науки, общие для изучения истории и культуры других регионов. В. Папулия (Греция) раскрыла связь византиноведения с изучением истории Юго-Восточной Европы. Ф. Шлоссер (Канада) выступила с докладом «Византиноведческие исследования и история крестовых походов: Алексиада Анны Комниной как источник по истории крестовых походов». Э. Вернер (ГДР) рассмотрел новые методы османистики в их применении к византистике. Я. Ферлуга (ФРГ) охарактеризовал роль византиноведения в изучении истории южных славян.

Ряд докладов был посвящен междисциплинарному характеру византистики. Так, Э. Кондураки (Румыния) прочитал доклад «Византиноведение и археология», Д. Холдон (Великобритания) — «Византистика, антропология и философия истории», Р. Теодореску (Румыния) — «Византистика и история искусств», К. Фледелиус (Дания) рассказал о византийских штудиях в Дании в связи с историческими и историко-филологическими исследованиями.

С дополнениями к докладом выступила Р. Досталова (ЧССР), а также М. В. Бибилов, остановившийся на методике источниковедческого анализа